

именной характер морфологических компонентов предложения и развернутая система связующих элементов.

Литература:

1. Вахрамеева Ю.Е., Кривошеева Е.И. Особенности перевода технической документации судостроительной тематики с корейского на русский язык // Тенденции развития науки и образования. – 2019. - № 56. – С. 108.
2. Климзо, Б. Н. Ремесло технического переводчика / Б. Н. Климзо. – 2-е изд., стер. – М. : Р. Валент, 2006. – С. 55 – 90. – ISBN 5-93439-194-1.
3. Кутин В.М. [Экономическое развитие ремонта кораблей и судов в системе морского хозяйства Арктического региона]: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05: защищена: 17.03.11/ Кутин В.М.. – Мурманск, 2011.- 172 с.: ил. РГБ ОД, 61 11-8/1542
4. РФ заказала у Южной Кореи строительство 29 судов, включая 15 танкеров-ледоколов [Электронный ресурс]: Режим доступа <https://tass.ru/vef-2018/articles/5376871> (дата обращения 17.10.19)
5. Соколова Е. Б. Журавель, Ю. Г. Развитие высокотехнологических судостроительных кластеров на Дальнем Востоке для производства арктических судов//Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. №4. С. 21-29. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/21-29
6. 현대중, 선박 진수 “이젠 가라앉힌다” [Электронный ресурс]: Режим доступа <http://www.koenergy.co.kr/news/article> (дата обращения 17.10.19)
7. 현대중공업, 선박 진수 이젠 가라앉힌다 ...세계 최초 텐덤침수공법 개발, 2009 [Электронный ресурс]: Режим доступа <https://blog.naver.com/vodovo2/130041130941>(дата обращения 17.10.19)
8. TV조선 특보: '복원력', 배의 안전에 어떤 역할? [Электронный ресурс]: Режим доступа <http://news.tvchosun.com/site/data/html> (дата обращения 20.10.19)
9. 현대중공업 기술교육원 도장반 | 선박의 화장법? [Электронный ресурс]: Режим доступа <http://cafe.daum.net/hhiartist/OR4e/37> (дата обращения 14.04.20)

Власов М.С.^{1,2}, Подрезов М.В.²

¹АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

²Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Молодежный сленг как индикатор деструктивного поведения молодежи и методы его исследования для практических целей¹

Аннотация. Знание сленговой и жаргонной лексики отдельных групп и субкультур позволяет органам полиции, работникам других силовых структур, социальных служб, психологам, педагогам выдвигать предположения о скрытых мотивах не только криминального поведения субъекта, но шире – его деструктивного поведения. В качестве объекта исследования авторами рассматривается молодежный сленг, в котором могут быть обнаружены отдельные единицы ментального лексикона как индикаторы вовлеченности субъекта в деструктивные сообщества и группы.

Ключевые слова: прикладная психолингвистика, молодежный сленг, жаргон, субъекты деструктивного поведения, словари сленга и жаргона русского языка.

Проблематика исследования лежит как в рамках фундаментальных проблем когнитивной лингвистики и экспериментальных парадигм когнитивной науки в целом (распознавание слова, семантические эффекты при распознавании слова, доступ к значению

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Алтайского края в рамках проекта №19-412-220004 «Лингвистические, когнитивные и эмоциональные факторы восприятия молодежного сленга субъектами деструктивного поведения: экспериментальное исследование»

многозначного слова), так и в практической плоскости – в области лингвистической экспертизы [4], оперативно-розыскной работе, в задачах обработки естественного языка (например, для автоматического анализа социальных сетей с целью выявления деструктивного сленга [6], психодиагностике субъектов деструктивного поведения.

Теоретические лингвистические аспекты исследований сленга связаны с механизмами его функционирования в живой разговорной или письменной речи.

Традиционно в русистике термин сленг рассматривали как пласт нелитературной лексики, к которому в основном относили заимствования из английского языка, однако в настоящее время данный термин применяется и по отношению к иным лексико-семантическим группам. В настоящее время термины *сленг (slang)* и *жаргон (jargon)* как совокупность языковых и речевых единиц социально или профессионально обособленных групп употребляются как синонимы в научной литературе [8], а также в некоторых лексикографических источниках, например, в Большом толковом словаре русского языка [19].

В рамках настоящего проекта сленг рассматривается как лексикон на фонетической и грамматической основе общенационального языка, отличающийся разговорной и нередко грубо-фамильярной окраской. Мы придерживаемся мнения, что *сленг* – это более распространенное явление в молодежной среде (молодежный сленг), тогда как *жаргон* характеризуется узкой сферой функционирования (жаргон наркоманов, жаргон АУЕ и т.д.).

Сленгизмы рассматриваются в лингвистике с нормативной и функциональной (коммуникативно-прагматической точки зрения).

Нормативный аспект связан с тем, что сленгизмы русского языка часто попадали в поле внимания лексикографов, что нашло выражения в словарях субстандартной лексики и фразеологии русского языка.

Анализируя данный нормативный аспект, Л.А. Григорович [3] выделяет словари собственно уголовного жаргона и асоциальных групп, словари молодежного сленга, словари профессиональных лексических систем, переводные словари жаргонно-просторечных и обценных лексических единиц, а также «словари-пособия» жаргонных единиц, созданных для учебных целей. Среди последних упомянутых источников можно выделить Русский «тусовочный» как иностранный [23], Словарь молодёжного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета) [20].

Основная проблема кодификации сленгизмов – это быстрое изменение плана содержания данных единиц и появление новых, окказиональных единиц очень узкой сферы употребления. Например, в Словаре под редакцией М.А. Алексеенко и соавторов [18] встречаются единицы, которые не зафиксированы ни в одном словаре жаргонизмов, например: *пальчик – тот, кто высасывает из пальца информацию, сочиняет небывлицы; вседофеницина – состояние, когда все до фени* и другие.

Прикладной аспект лексикографической фиксации сленга связан с практическими задачами различных служб, прежде всего для оперативно-розыскной работы.

Российская практика показывает, что словари сленговой лексики русского языка фиксировали именно преступный сленг (воровской жаргон, или «блатной язык»). В начале XX века такому сленгу (жаргону) приписывался негативный оттенок и чаще всего связывался с лексическими и фразеологическими единицами, употребляемыми деклассированными слоями общества. Одним из первых таких источников считается «Музыка, или словарь карманников, т.е. столичных воров» 1842 года, представленный в книге «Сибирь и каторга» [21]. Как отмечает Л.А. Григорович, единицы уголовного жаргона конца 19 - начала 20 вв. встречались не только в отдельных словарях, но и в виде отдельных приложений к научным статьям. С начала 50-х годов, в СССР создавались специальные словари лексики и фразеологии уголовного жаргона для работы органов милиции [3]. Таким образом, цель лексикографического описания данного пласта лексики состояла в практической пользе для силовых структур.

В настоящее время знание сленговой и жаргонной лексики позволяет органам полиции, работникам других силовых структур, социальных служб, психологам выдвигать предположения о скрытых мотивах не только криминального поведения субъекта, но шире – его деструктивного поведения. Известно, что в качестве объектов деструктивного поведения субъект чаще всего выбирает коммуникацию между людьми, отношения между ними, собственное эмоциональное и физическое состояние, а значит такое поведение может проявляться в обыденном языковом сознании этого субъекта (скрыто или явно).

В рамках проекта в качестве объекта исследования рассматривается молодежный сленг, в котором также могут быть обнаружены отдельные единицы ментального лексикона как индикаторы вовлеченности субъекта в деструктивные сообщества и группы.

Молодежный сленг тесно связан со многими другими сферами коммуникации и постоянно пополняется новыми единицами. С середины 90-х годов 20 века в связи с активным развитием Рунета появилась необходимость фиксации интернет-сленга, поскольку значительная часть пользователей (прежде всего, молодежи) стала использовать сети как основной способ коммуникации. Кроме этого, интернет-сленг активно стал пополняться единицами преступного жаргона, наркоторговцев, АУЕ и других деструктивных групп.

Наиболее современным и полным словарем молодежного сленга считается издание «Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга» [22]. Данный словарь содержит 10 тысяч сленгизмов русского языка, отражающих реалии молодежной культуры. Макростатьи словаря тематически сгруппированы в такие кластеры, как «Автомобиль», «Город», «Деньги», «Молодежные субкультуры», «Музыка», «Любовь, секс», «Спорт», «Творчество», «Учеба» и другие кластеры. Вместе с тем, в словаре крайне мало представлена обценная лексика и единицы современных деструктивных групп (геймеров, хейтеров, молодежи, вовлеченной в АУЕ, наркоманов и т.д.).

А.Ю. Романов подчеркивает целесообразность рассмотрения русского молодежного сленга с помощью лексикологических, социолингвистических и психолингвистических методов [8]. Однако проведенные им исследования только частично могут быть реплицированы, поскольку автор анализировал данные о функционировании молодежного сленга в 2000 – 2003 годах, который на данный момент, вероятнее всего, претерпел значительные изменения в связи с большим темпом развития технологий, коммуникаций, появлением новых реалий, воплощаемых в новых сленгизмах.

Следует признать, что сегодня наиболее доступной для исследователей молодежного сленга является сфера сетевой коммуникации, блогосфера, мессенджеры и социальные сети. В настоящее время перед экспериментальной психолингвистикой и компьютерной лингвистикой стоит задача разработки методов автоматического (полуавтоматического) сбора больших данных, включая поведенческие и окуломоторные реакции испытуемых на релевантные сленгизмы или их денотаты, а также методы извлечения частотных единиц из интернет-источников (например, социальных сетей), которые позволят лингвистам и психологам создавать с помощью данных методов относительно точные прогнозы о речевом поведении молодежи, в том числе о потенциально опасном деструктивном поведении на основе лингвистических и статистических данных.

Основным источником пополнения сленга является Интернет, однако нередко молодежный сленг пополняется из дискурса деструктивных и криминальных сообществ.. Например, для жаргона наркоторговцев и потребителей наркотических веществ характерен метафорический перенос (закладка, разминировать, чайки и т.д.). Молодежь, вовлекаемая в эту преступную сферу, также начинает знакомиться с этими жаргонизмами, использует их в речи, в сети, а таким образом и пополняется молодежный сленг в целом.

Помимо тематической группы «Наркотики», в сети пользователи могут создавать и становиться участниками других сетевых сообществ, занимающихся пропагандой и реализацией деструктивного поведения. Простой частотный анализ употребляемых слов в разных сообществах позволяет дать приблизительный прогноз относительно обсуждаемых

тем в рамках данного сообщества [2]. Однако сложность данного вида анализа заключается в необходимости учета многих факторов для автоматической обработки, в числе которых многозначность, омонимия, наличие неологизмов, обфускации (например, «с.п.а.й.с.» вместо «спайс») [6], а также использование креолизованных элементов (мемов). Несмотря на высокую «экологическую валидность» методов извлечения семантической информации из социальных сетей, методов регистрации «цифровых следов», данные процедуры по-прежнему далеки от совершенства, хотя могут использоваться в пилотажных исследованиях молодежного сленга.

Характерной особенностью, отличающей молодежный сленг от других видов, является его быстрая изменчивость, объясняемая сменой поколений.

В образовательной среде практически все методы выявления «деструктивно настроенных» субъектов основаны на массовых опросах, в которых зачастую респонденты выдают социально желаемые ответы. На наш взгляд, в этом значительный недостаток таких методов, поэтому в рамках проекта мы сосредоточились на имплицитных методах извлечения лексической информации, которые заимствованы из психофизиологии.

Методы психофизиологии достаточно давно применяются в таком практическом направлении деятельности силовых структур, как детекция лжи. Одним из инициаторов разработки таких методов являлся А.Р. Лурия, разработавший сопряженную моторную методику (СММ), в основе которой лежит ассоциативный метод, характерный для традиционной экспериментальной психологии и психоанализа. Также использовались рефлексологические (В.М. Бехтерев, И.П. Павлов) и бихевиористские модели [1].

Современные исследователи в области когнитивных наук совершенствуют не только инструментальные возможности получения достоверных психофизиологических реакций человека на разные стимулы (например, с применением высокоскоростных айтрекеров, программ для регистрации времени реакции с минимальной погрешностью в вычислениях и др.), но и участвуют в создании нормативных баз данных о различных количественных признаках стимульного материала, в том числе слов русского языка (см. психолингвистические базы EnRUN [5], томская психолингвистическая база [7], StimulStat [11] и др.). Регистрируемые реакции подвергаются статистическому анализу, который позволяет на сегодня учитывать не только закономерности распределения зависимых переменных, различий по контролируемым факторам, но и учитывать случайные факторы испытуемого и порядка следования стимулов (математические линейные модели со смешанными эффектами [10]).

Еще одним актуальным аспектом в области обработки лексической информации является исследование фактора эмотивности. Последние работы в области когнитивной обработки лексической информации на материале ряда языков в условиях задачи лексического решения подтверждают существование эффектов эмоциональной окраски слова, влияющих на скорость их распознавания. В подобных экспериментах используются конкурирующие по эмоциональной окраске стимулы. Также контролируются «неэмотивные» лингвистические характеристики слов-стимулов (например, длина слова, частотность слова, количество «орфографических соседей» и др.). В поисках объяснения результатов экспериментов, которые часто оказываются противоречивыми, исследователи обращаются к анализу различных семантических факторов. К числу подобных факторов, представляющих существенный интерес в контексте визуального распознавания эмоционально окрашенного слова, относится его «семантическое богатство» (semantic richness) [14, 15]. Исходя из представлений о семантическом богатстве слова, предполагается, что стимулы с положительной и отрицательной эмоциональной окраской ассоциируются с большим объемом семантической информации, чем нейтральные стимулы, и в большей степени активируют обратную связь на уровне слова. Хотя мнение о сугубо семантической природе процесса визуального узнавания слова в настоящее время не находит поддержки, сами

процессы и механизмы, лежащие в основе этого семантического воздействия, остаются слабоизученными.

Для получения более достоверных данных при математическом моделировании процессов распознавания эмоционально окрашенной лексики неизбежно влияние психологического состояния испытуемого и порядка предъявления стимулов. Данной проблемы исследователям удастся избежать благодаря использованию линейных моделей со смешанными эффектами, позволяющими учитывать не только фиксированные, но и случайные факторы испытуемого и номера стимула [9]. Успешная реализация математического моделирования вариативности времени реакции испытуемого в зависимости от эмоциональной окраски слов русского языка с применением моделей со смешанными эффектами представлена в работе [16], а также подтверждена в ряде зарубежных работ на материале других языков. Влияние эмоциональной окраски слова (эмоциональной валентности слова) представляет собой еще малоизученное явление в экспериментальных когнитивных исследованиях языка и речи, поскольку может проявляться как на лексическом, так и на семантическом уровнях, а понимание сути эмоциональной валентности как языковой репрезентации позволит значительно усовершенствовать существующие модели визуального распознавания слов и автоматического доступа к их значениям [13].

Пилотажное экспериментальное исследование под руководством М.С. Власова на материале эмоционально окрашенных и нейтральных имен существительных русского языка, извлеченных из базы данных ENRUN, показало статистически значимый эффект эмоциональной окраски слов в задаче лексического решения. Отмечается, что более быстрая реакция на позитивно окрашенные слова в сравнении с негативно окрашенными сильнее проявляется на словах с низкой частотностью [16]. То есть, для создания базы вербальных стимулов целесообразно формировать репрезентативные подвыборки эмоционально окрашенных единиц высокой и низкой частотности, поскольку данные факторы демонстрируют значимые эффекты в большинстве исследований. Так, полученный М.С. Власовым эффект позитивной валентности слова согласуется с результатами не только поведенческих, но и окулографических исследований. Так, И.В. Блинниковой и соавторами был установлен эффект позитивной валентности слова в парадигме эмоционального прайминга, влияющий как на эффективность зрительного поиска слова, так и на увеличение времени фиксации и их количества, а также количества регрессивных саккад в целевых зонах интереса [12]. Полученные неслучайные эффекты при автоматических, неосознаваемых реакциях испытуемых, позволяют договорить о скрытых механизмах распознавания слов на основе их частотного распределения. Иными словами, малознакомые лексические единицы обладают значительно меньшей вероятностью активации в эксперименте, что уже многократно доказывалось на примере эффекта частотности в задаче лексического решения.

Таким образом, рассмотренные методы позволяют интегрировать подходы к исследованию вербального (лексические репрезентации) и невербального (скорость реакции, зрительное восприятие) поведения человека путем экспериментального моделирования распознавания слов и скорости доступа к их значению, в том числе принадлежащего к разным семантическим группам (наркотики, гейм-аддикция, зависимость от аниме и т.д.).

Для реализации данных задач в рамках проекта создается психолингвистическая база данных сленгизмов русского языка, с указанием количественных и качественных параметров каждого слова (грамматической категории по части речи, частотности слова (объективной и субъективной), зафиксированных значений, источника получения данных о значении лексической единицы, года фиксации и референтной группы деструктивного поведения). На данный момент созданная база включает 200 единиц.

База данных будет полезна психологам, психологическим, социальным и силовым службам, педагогам образовательных организаций для проведения тестирований обучающихся с целью превентивной диагностики экстремистских установок, скрытых

мотивов к деструктивному поведению. Тем не менее, следует отметить, что ментальный лексикон – только вероятностный конструкт. Как упорядочены лексические репрезентации у конкретного человека – по-прежнему неразгаданная тайна психолингвистики и когнитивной нейронауки.

Литература:

1. Богданчиков С. А. Предыстория детектора лжи // Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы использования в борьбе с преступностью: матер. междунар. науч.-практ. форума / под ред. В. Н. Хрусталёва, Л. Н. Иванова. Саратов, 2006. С. 76
2. Власов М.С., Подрезов М.В. Интернет-мемы с точки зрения когнитивной лингвистики: сравнительное пилотажное исследование «цифровых следов» сибирской и московской студенческой молодежи // Сибирская ментальность как объект гуманитарных исследований [Электронный ресурс]: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Василия Макаровича Шукшина (Бийск – Сростки, 28-29 июня 2019 г.) / Отв. ред. М.С. Власов. – Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2019. С. 51-56
3. Григорович Л. А. Жаргонное слово как объект лексикографического описания // Русская речь. 2013. № 3. С. 69-74
4. Голев Н.Д. Постановка проблем на стыке языка и права // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999
5. Люсин Д. В., Сысоева Т. А. Эмоциональная окраска имён существительных: база данных ENRuN // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 122-131
6. Савва Ю.Б., Ерёменко В.Т., Давыдова Ю.В. О проблеме лингвистического анализа сленга в задаче автоматизированного поиска угроз распространения наркомании в виртуальных социальных сетях // Информационные системы и технологии, №6(92), 2015. С. 68-75
7. Резанова З.И., Миклашевский А.А. Моделирование образноперцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2016. № 5 (43). doi:10.17223/19986645/43/6
8. Романов А.Ю. Современный русский молодежный сленг = Contemporary Russian youth slang. München: Verlag Otto Sagner, 2004. 205 p.
9. Четвериков А.А. Опыт применения смешанных регрессионных моделей для анализа квазиэкспериментальных данных // Материалы I Международной научной конференции «Формирование основных направлений развития современной статистики и эконометрики» / Под ред. В.Н. Афанасьева. Оренбург: ООО ИПУ «Университет», 2013. Т. 1. С. 332–338
10. Четвериков А.А. Линейные модели со смешанными эффектами в когнитивных исследованиях // Российский журнал когнитивной науки. № 1. Том 2. 2015
11. Alexeeva, S., Slioussar, N. & Chernova, D. (2017). StimulStat: a lexical database for Russian. Behavior Research Methods, doi: 10.3758/s13428-017-0994-3, URL: <https://link.springer.com/article/10.3758/s13428-017-0994-3>
12. Blinnikova, I., Izmalkova, A. & Marchenko, O. (2015) How do emotions affect visual semantic search? Perception. 44(1). pp. 33–1P1M123. doi: 10.1177/0301006615598674
13. Palazova, M. (2014) Where are emotions in words? Functional localization of valence effects in visual word recognition. Frontiers in Psychology. 5. pp. 1105. doi: 10.3389/fpsyg.2014.01105
14. Pexman, P.M., Hargreaves, I.S., Siakaluk, P.D., Bodner, G.E. & Pope J. (2008) There are many ways to be rich: effects of three measures of semantic richness on visual word recognition. Psychonomic Bulletin & Review. 15. pp. 161–167
15. Pexman, P.M. (2012) Meaning-based influences on visual word recognition. In: J.S. Adelman (Ed.). Visual word recognition: Meaning and context, individuals and development. Hove, UK: Psychology Press. pp. 24–43

16. Vlasov Mikhail, Sychev Oleg (2019) Lexical Processing of Affective Russian Nouns: evidence from yes/no and go/no-go lexical decision task. The 25th Architectures and Mechanisms of Language Processing Conference, Moscow (6-8 September, 2019). P. 22. <https://neuro.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/305199165>

17. Yap, M.J., Lim, G.Y. & Pexman, P.M. (2015) Semantic richness effects in lexical decision: the role of feedback. *Memory & Cognition*. 43(8). pp. 1148-1167

Источники и словари:

18. Алексеенко, М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова, О.И. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка. М.: Азбуковник, 2003, 400 с.

19. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

20. Захарова Л.А., Шуваева А.В. Словарь молодёжного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета). Учебно-методическое пособие. Томск, Издательский Дом ТГУ, 2014. 126 с.

21. Максимов С. В. Сибирь и каторга: В 3-х ч. - СПб, 1871.

22. Никитина Н. Г. Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 864 с.

23. Шкапенко Т.М., Хюбнер, Ф. Русский «тусовочный» как иностранный: Учебное пособие. Калининград, Издательство: Янтарный сказ, 2003. 200 с.

Замашанская Е.С.

Бийский технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова», г. Бийск, Россия

Формирование навыков работы с иноязычным специальным текстом при помощи мобильных технологий

Аннотация. В данной статье рассматривается возможность применения мобильных технологий с целью формирования текстовой компетенции на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе. Рассматриваются затруднения у студентов неязыковых вузов при чтении информации, обработки и продуцировании текстов, а также предлагаются способы преодоления данных затруднений и развития навыков работы со специальными текстами посредством мобильных устройств.

Ключевые слова: иностранный язык, мобильные технологии, специальный текст, текстовая компетенция.

В рамках компетентностного подхода, используемого в системе высшего образования, выделяются следующие значимые компетенции, которыми необходимо овладеть будущим специалистам в процессе изучения иностранного языка: коммуникативная, текстовая, языковая, социокультурная, страноведческая и т.д. (Л.С. Васюкович, Д.И. Изаренков, О.Е. Лебедев, Р.П. Мильруд, Ю. И. Мишенева, А.В. Хуторской, Е.В. Шаркади и др.). Необходимо отметить, что многие исследователи изучают взаимоотношение языковой, коммуникативной, текстовой компетенций.

Так, О.Д. Митрофанова и В.Г. Костомаров полагают, что коммуникативная компетенция включает языковую, речевую, лингвострановедческую [3]. Н.С. Болотнова рассматривает текстовую компетенцию как вид коммуникативной компетенции, как систему знаний о тексте, благодаря которой носитель языка осуществляет текстовую деятельность. Кроме того, с точки зрения данного исследователя, текстовая компетенция является показателем коммуникативной культуры личности, которая проявляется в навыках общения на основе прочитанного текста [1].